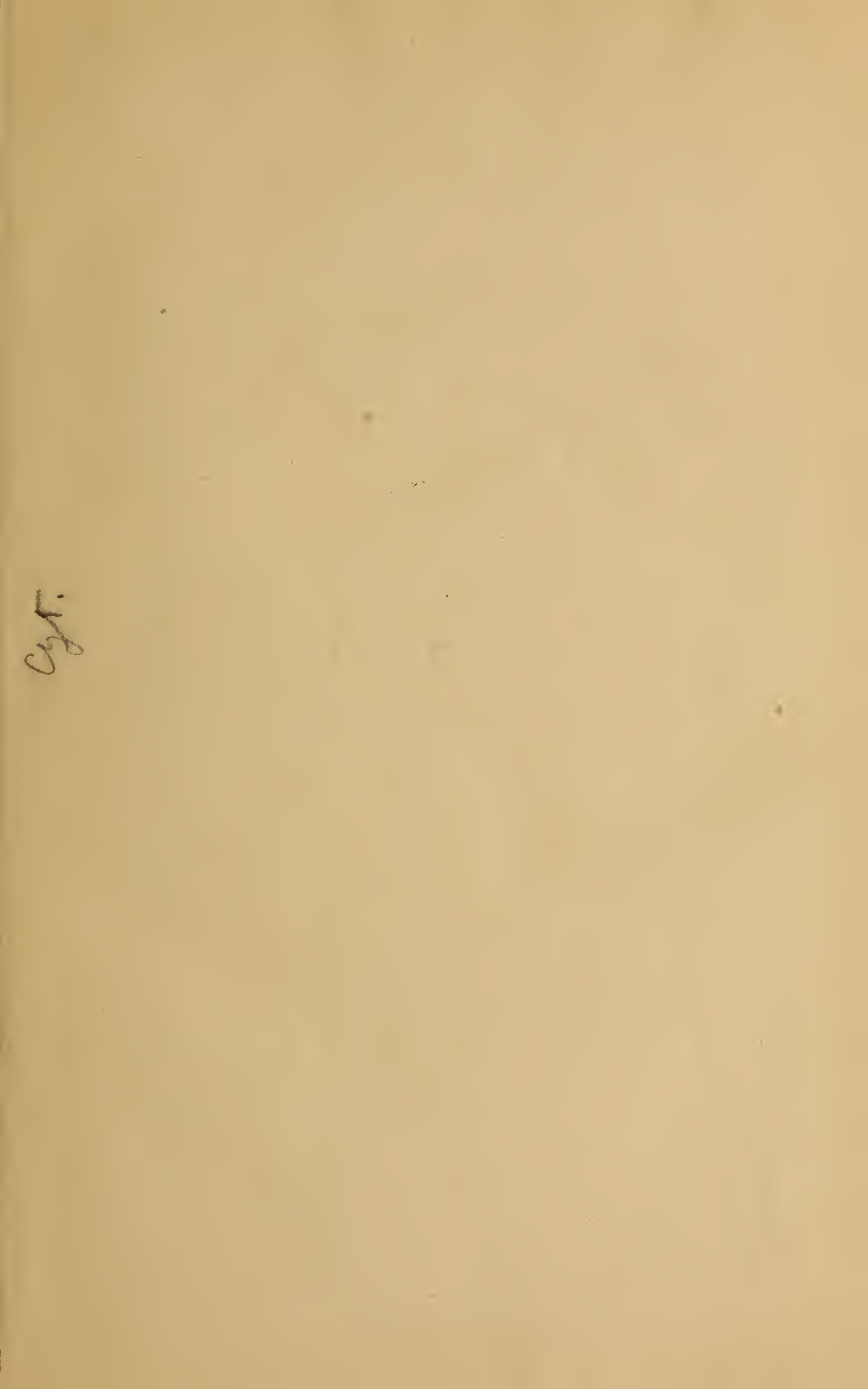
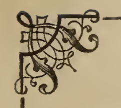
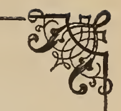

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ГАНЖА
ЭРИВАНЬ
АРПАЧАЙ
АРЯКСЪ
ГЕРГЕБИЛЬ
АХАЛКАЛАКИ
АСЛАНДУЗЪ
ШАМХОРЫ
МИХАЙЛОВСКОЕ
ТАВРИЗЪ
КАРСЪ
АРЗЕРУМЪ
БУРНАЯ
ГИМРЫ
АХУЛЬГО
КАЗАНИЩИ
ДАРГО
КУТИШИ
САЛТЫ
ГУНИБЪ
ЧОХЪ
АЧХОЙ
ЗАКАТАЛЫ
АХТЫ
СУПЛИСИ
БАШЪ-КАДИКЛЯРЪ
ЧОЛОКЪ
КЮРЮКЪ-ДАРА
БУРТУНАЙ
ВЕДЕНЬ
РУССКІЙ
ГРУЗИНАМЪ
1802
1859
1864
Худож. Литогр. Томсона въ Тифлисѣ

РУССКІЙ

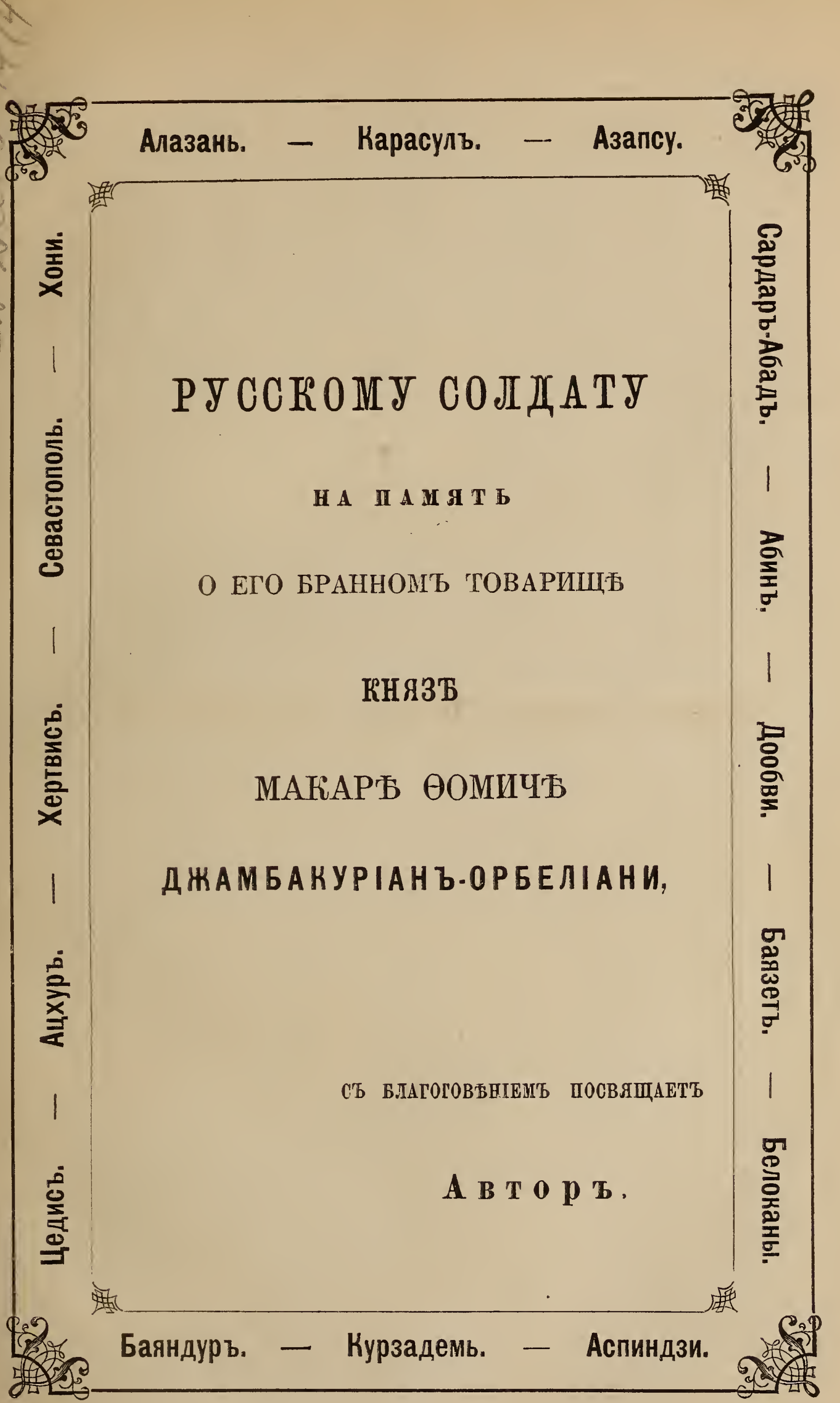
ГРУЗИНАМЪ.

По случаю сметри князя Макара Өомича Джамбакуріанъ - Орбеліани.

ТИФЛИСЪ.
Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.
1872.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 10-го ноября 1871 г.

РУССКОМУ СОЛДАТУ

НА ПАМЯТЬ

О ЕГО БРАННОМЪ ТОВАРИЩѢ

КНЯЗѢ

МАКАРѢ ѲОМИЧѢ

ДЖАМБАКУРІАНЪ-ОРБЕЛІАНИ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Авторъ.

Доблестный солдатъ русскій,

Князь Григорій Дмитріевичъ,

Съ младенчества я привыкъ любить Васъ, въ лѣтахъ зрѣлыхъ я выучился Васъ уважать. Какъ выраженіе неизмѣнныхъ чувствъ моихъ примите этотъ посильный трудъ, навѣянный благоговѣніемъ къ Вашему бранному товарищу, русскому солдату, и любовью къ нашей общей родинѣ, милой Грузіи.

Авторъ.

15-го ноября, 1871 года.

Тифлисъ.

Лит. Томсона въ Тифлисѣ

Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, вопію Ти, отъ тли Боже, мя возведи.

De mortuis aut bene, aut nihil.

29-го октября скончался, а 1-го ноября погребенъ въ Сіонскомъ Каѳедральномъ Соборѣ князь Макаръ Ѳомичъ Джамба-куріанъ Орбеліани. Тѣло покойнаго проводилъ къ послѣднему тихому пристанищу Высокопреосвященный Евсевій экзархъ Грузіи въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ, въ присутствіи двухъ армянскихъ архіереевъ, Преосвященныхъ Макарія и Саркиса и многочисленныхъ друзей и знакомыхъ покойнаго. Его гробъ не сопровождала, ни музыка, ни парадъ церковный: почившій князь былъ отставной, но отъ этого какъ-то особенно выигрывала печальная процессія, погребавшая

доблестнаго воина. Чудный, какъ-бы улыбающійся, осенній день, какими наслаждаемся только мы, жители дѣйствительно-благодатнаго южнаго климата, составлялъ только видимый, только кажущійся контрастъ съ торжественно-грустнымъ настроеніемъ участвовавшихъ въ похоронной процессіи. Небо было ясно, солнце ярко сіяло, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, вся окружающая природа дышала какою-то радостью, какимъ-то весельемъ... Но это ликованіе природы не было весеннимъ пробужденіемъ къ жизни. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ хорошихъ, теплыхъ дней въ вѣчность отходящаго года... Не подобною-ли радостью веселится душа, съ миромъ отходящаго въ вѣчность праведника?

Я съ дѣтства зналъ покойнаго князя, любилъ его прекрасную, добрую душу, его простой, но свѣтлый умъ, его всегда теплое, отзывчивое сердце, его жизнь, полную геройскихъ подвиговъ,—не тѣхъ кричащихъ, рисующихся подвиговъ, которые умѣютъ за себя сказать больше, чѣмъ было, а тѣхъ, которые совершаются въ скромной тиши, подвиговъ, на которые способны только тѣ возвышенныя души, для которыхъ сдѣлать необыкновенное—значитъ только проявить самое обыкновенное, обыденное настроеніе своей во-

ли и сердца. Почившій князь родился въ 1801-мъ году. Это было за годъ до начала владычества Русскихъ за Кавказомъ.

Съ тѣхъ поръ, съ небольшимъ въ полстолѣтіе, совершилась величественная, тысячелѣтіями подготовленная драма. Природа Закавказья, его географическое положеніе, создали необычайную въ лѣтописяхъ исторіи арену для проявленія геройскаго духа человѣческаго. Съ доисторическихъ временъ Закавказье привлекало къ себѣ предпріимчивыхъ, сильныхъ духомъ. Сюда приходили полубоги древности. Не разъ и близкіе сосѣди, и жители дальнихъ странъ искали въ Закавказьи простора для своей энергической дѣятельности. Перебирать страницы лѣтописей Закавказья—это значитъ знакомиться съ значительною частью крупныхъ фактовъ исторіи всего міра. Вотъ почему здѣсь на Кавказѣ неисчерпаемое разнообразіе племенъ, религій, языковъ. Здѣсь внимательный наблюдатель найдетъ слѣды всѣхъ народовъ древности, Кавказу-же платитъ дань любознательности и предпріимчивости и весь современный людъ Европы и Азіи. Богатая и разнообразная природа Закавказья, со временъ праотца Ноя привлекавшая лучшія силы народовъ, обѣщаетъ въ будущемъ много. Но отъ чего-же въ этомъ чудномъ угол-

кѣ такъ мало сдѣлано до сихъ поръ для прогресса и развитія человѣчества?.. На это есть свои—историческое и географическое—объясненія. Кавказъ былъ ареной, на которой сталкивались интересы разнообразныхъ и многочисленныхъ народовъ разныхъ вѣрованій, разныхъ направленій, разныхъ стремленій. Все, что ни приходило сюда, приходило боротся со многимъ, себѣ противоположнымъ и даже часто враждебнымъ. Исторія Кавказа есть по преимуществу исторія не мирнаго движенія человѣчества впередъ по пути безпрепятственнаго гражданскаго развитія, а исторія тысячелѣтней борьбы за право царить и пользоваться щедро и богато созданнымъ уголкомъ земли. Величественную картину высокаго христіанскаго подвига представляетъ исторія единовѣрнаго намъ народа Грузинскаго. Слабое и немногочисленное племя грузинское, христіанское съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ теченіи тысячелѣтій подпадало подъ вліяніе и иго многочисленныхъ народовъ, изъ коихъ многіе давно уже сошли съ лица земли. А онъ, слабый, но несокрушимый, твердо стоитъ до сихъ поръ. Народъ-мученикъ, онъ одинъ изъ первыхъ отозвался на Божественныя слова Спасителя. Историческія судьбы этого тысячелѣтняго страдальца приготовили его лучше многихъ

другихъ къ воспріятію великаго утѣшенія: „Блаженни плачущіе, яко тіи утѣшатся“; Св. Нина, и съ нею, и послѣ нея приходившіе подвижники вѣры, находили народъ Грузинскій алчущимъ и жаждущимъ небеснаго утѣшенія: тяжело жилось ему на землѣ.

Многочисленные церкви и монастыри, воздвигнутые на непреступныхъ скалахъ, высокихъ горахъ, въ мрачныхъ дебряхъ и непроходимыхъ трущобахъ, посѣщались во время рѣдкаго мира молящимися за недавно-погибшихъ и за отвращеніе грядущихъ, новыхъ и новыхъ бѣдствій; а во время чуть-не непрерывныхъ войнъ въ эти-же, Божіи храмы и въ то-же время военныя крѣпости, стекались спасавшіе жизнь и достояніе свое Грузины. Идите въ любую изъ развалинъ древнихъ храмовъ-крѣпостей и вы тамъ повсюду, и на поверхности, и подъ землей, найдете милліоны переломанныхъ и перемѣшанныхъ костей человѣческихъ. Созерцатель всего доблестнаго и хорошаго въ исторіи, тебя очаровываютъ великіе подвиги христіанскихъ мучениковъ, а потому спѣши, иди и поклонись этимъ святымъ костямъ: онѣ безмолвные свидѣтели того, какъ доблестно и твердо страдалъ и умиралъ въ теченіи тысячелѣтій за твоего Спасителя народъ,

не уступившій, ни одной буквы, ни одного звука изъ Его великаго, чистаго, православнаго ученія,—народъ, кровью отстаивавшій кровью Искупившаго.

Въ началѣ нашего столѣтія Божественному Промыслу угодно было призвать другой, сильный, православный народъ подать руку помощи изнемогавшему, единовѣрному народу Грузинскому. Не завоевывать и порабощать мусульманъ и язычниковъ пришла Русь въ Закавказье, а спасать и потомъ жить одной общею христіанскою жизнью съ народомъ — братомъ по религіи. И вотъ начинается великая историческая драма, оконченная братомъ русскаго Царя-освободителя, соименника благословеннаго императора, сказавшаго *):

*) «Въ 1795-мъ году Ага-Магомедъ-ханъ вторгся въ Грузію и разорилъ Тифлисъ. Царь Ираклій обратился съ просьбою о помощи къ Императрицѣ Екатеринѣ, вслѣдствіе чего приказано было Графу Гудовичу оказать Грузіи содѣйствіе войсками. Ираклій, благодаря за это, писалъ Императрицѣ: ,,Грузія купно со мною, повергается навсегда подъ Высочайшее Ваше повиновеніе и волю!'' Императоръ Павелъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отозвалъ войска изъ Грузіи. Но вскорѣ Грузіи пришлось опять искать помощи у единовѣрной Россіи, Царь Георгій XII, вступивъ на престолъ послѣ Царя Ираклія, просилъ Павла утвердить его на престолѣ и подать руку помощи. Въ 1799 году прибыли въ Тифлисъ назначенный полномочнымъ министромъ въ Грузію Каваленскій и Лазаревъ съ своимъ полкомъ. Съ этого времени Грузія окончательно поступила подъ покровительство Россіи и послѣ долгихъ колебаній Императоръ Александръ Благословенный въ 1802-мъ году принялъ Грузію, тревожимую извнѣ и раздираемую внутренними несогласіями, окончательно въ подданство Россіи, причемъ обратился къ своимъ новымъ подданнымъ съ манифестомъ, изъ котораго отрывокъ приведемъ въ слѣдующей страницѣ».

Не для приращенія силъ, ни для корысти, ни для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внемля моленію страждущихъ въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.

Грузины, всегда чуткіе и отзывчивые, сразу увидѣли перстъ Божій въ этомъ появленіи сѣвернаго великана въ тѣсныхъ ущельяхъ и на привѣтныхъ долинахъ Грузіи. Братски призвали они своихъ единовѣрцевъ и радушно стали въ ряды воиновъ Христа. Мало знакомые съ исторіей, они серцемъ поняли, что идутъ въ ряды бойцовъ за церковь Христову. Въ Рускомъ солдатѣ они увидѣли потомка тѣхъ рыцарей, для которыхъ война за вѣру была радостнымъ пиромъ.

Такъ встрѣтили Русскихъ Грузины, и началась шестидесятилѣтняя война... Враги церкви Христовой усугубили свою энергію и въ короткое время разыгралось нѣсколько великихъ войнъ съ Персами и Турками; но скоро познали поклонники корана, что не совладать имъ съ той дружной братской силой, съ которою теперь пришлось бороться. Едва-ли въ настоящее время кто-нибудь въ предѣлахъ Турціи и Персіи дерзнетъ помыслить о малѣйшей возможности истязать и мучить Грузію, какъ это дѣлалось такъ легко и такъ недавно. Остались враги болѣе близкіе, надъ которыми побѣда была болѣе трудною. Пришлось десятки лѣтъ бороться съ врагом домашнимъ, сильно защищеннымъ природою, преисполненнымъ ненависти къ кресту Христову. Эта борьба безпримѣрна въ исторіи. Пришлось

поливать кровью и костьми устилать каждый вершокъ земли; пришлось строить благосостояніе людей на грудахъ труповъ и могилъ.

Братья Грузины! Вспомните сколько сотенъ тысячъ русскаго люду почіетъ по лицу прекрасной земли вашей и любите Русь, какъ самоотверженную мать вашу, потому что въ сердцахъ вашихъ, я знаю, есть много добраго и честнаго для вашего отечества. Перечислите тѣ великіе безчисленные подвиги, которые совершены на вашихъ поляхъ, тѣ тысячи отдѣльныхъ именъ, которыя сознательно, какъ и вашъ герой Илья Орбельяни, и многіе другіе, пали за васъ и благословите Небо, отъ вѣка подготовлявшее вамъ могущественнаго друга и защитника. Мнѣ радостно говорить вамъ это любовное слова, я семидесятимилліонная частица того великаго народа, для котораго жить—значитъ жертвовать всѣмъ для своего честнаго историческаго призванія.

Предъ моими глазами страна умиротворенная, быстро и бодро вступающая въ европейскую цивилизованную семью. Предъ моимъ умственнымъ окомъ бурная, многолѣтняя, боевая жизнь, уже отшедшая, для того чтобы смѣниться жизнью разума и прогресса человѣческаго. Наслаждаясь плодами мира и спокойствія, созерцая, какъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше, выше и выше

воздвизается фундаментъ, на которомъ скоро узритъ изумленное человѣчество зданіе цивилизаціи нашей общей дорогой родины, отдадимте должное и былому. Хорошо теперь за Кавказомъ, но какъ нищій, внезапно превращенный въ царя, заплакалъ о своемъ рубищѣ, сказавъ—„вѣдь грѣло-же оно,“ пожалѣемъ и мы о нашемъ недавнемъ, прекрасномъ прошломъ. Какою чудною жизнью жили мы тогда? Сколько чистой высокой поэзіи было во всемъ, что кругомъ насъ совершалось? Бывало, выдемъ весною на улицы Тифлиса, у котораго теплыхъ прекрасныхъ дней въ году больше, чѣмъ счастливыхъ минутъ въ жизни счастливца, выдемъ такъ, поглазѣть на бѣлый свѣтъ,—вдругъ издали раздастся трескъ барабана, заслышится удалая, русская солдатская пѣсня, и вотъ, показались стройные ряды русскихъ солдатиковъ въ новыхъ походныхъ сапогахъ, въ только-что пошитыхъ, или починенныхъ шинеляхъ, блестящія ружья на плечахъ, туго набитый ранецъ за спиною, молодецкая папаха на головѣ, видъ ихъ бодръ и энергиченъ, ряды ихъ полны.

Чудную тѣнь стараго кавказскаго солдата вызываю я. Вотъ она возстаетъ предо-мною. Вижу тебя сухого, морщинистаго, но гордаго и величественнаго. Очаровываетъ сердце, бод-

ритъ душу мою геройскій видъ твой. Помню твою службу безъ устали и конца, лишенья безъ мѣры и числа. Нѣтъ дома, нѣтъ семьи, —развѣ прикормишь цыпленка, или голубка, собачку, или котика, и на нихъ изольешь свою естественную, человѣческую потребность ласкать и любить. Нѣтъ труда, отъ котораго откажешься, нѣтъ дѣла, котораго не съумѣешь ты, безустанный и выносливый... Израненными, морщинистыми руками своро-чивалъ гордыя скалы Кавказа, ими-же ты и косыночку вымоешь и выгладишь своей матушкѣ-командиршѣ; на могучихъ рукахъ вынесъ изъ боя своего раненаго отца-командира, на нихъ-же выняньчаешь и его ребенка, нѣжно убаюкивая и припѣвая, словно любящая, хорошая няня. Безъ устали, коли нужно, отмахаешь двѣсти - триста верстъ въ пять - шесть сутокъ, а потомъ еще и попляшешь своего разудалаго солдатскаго трепака. Руку оторвутъ—другой сдачи дашь, ногу вылущили—заковылялъ ты чрезъ высокія горы, чрезъ широкія поля въ родныя дальнія мѣста на деревяшкѣ-самодѣлкѣ. Ни предъ какимъ затрудненіемъ не задумаешься, ни въ какой опасности не потеряешься. Пришелъ къ овражку — моста нѣтъ: станемъ пушки перевозить, лафеты, пожалуй, поломаемъ... Ну, такъ что-же?.... Какъ быть?.... Подставили

плечи и спины солдатики, заслали ихъ ружьями, покрыли шинелями для мягкости — и готовъ живой мостъ изъ чувствующаго, страждущаго, но не стонущаго, не охающаго тѣла солдатскаго [1]. Не сдается кавказскій солдатъ никому и никогда, а коли выдетъ такой случай, что некуда дѣться, силушки не хватаетъ, взорветъ онъ себя и товарищей на воздухъ, какъ Архипъ Осиповъ,—безсмертную душу Богу отдастъ, а бренными тѣломъ своимъ вмѣстѣ съ камнями и бревнами придавитъ врага царя своего [2]. Нужно,—и кашку сваритъ, и хлѣбца испечетъ, и битки на колесѣ съорудуетъ, и на кіятерѣ царя Максимиліана, или героя Македонскаго, представитъ, да еще состритъ при этомъ,—забывъ роль свою и прервавъ піэсу, крикнетъ, „здравія желаемъ, вашескоблагородіе", чихнувшему своему начальнику, сидящему въ первомъ ряду. А прикажутъ— и дороги построитъ, и лѣсъ вырубитъ, и купола выведетъ. Сказалъ царь-батюшка и сослужилъ солдатъ свою вѣрную, шестидесятилѣтнюю службу нашей родинѣ, грудью отстоялъ, защитилъ, охранилъ; дороги проложилъ, города построилъ, чрезъ бездны мосты перекинулъ, поля кровью и костями удобрилъ, да ихъ-же картошкой и капустой засадилъ, да еще нашелъ время и въ книжку глядѣть,

и другихъ поучить; пѣсенку сложилъ, да еще самъ и выводитъ ее!... Вѣчная память, громкая слава тебѣ, самоотверженный герой, честный Кавказскій солдатъ!

Но мы увлеклись... Справимся-ка, куда идутъ солдатики, только-что встрѣченные нами на улицахъ Тифлиса. Въ самомъ дѣлѣ, куда идутъ они?... Послушайте ихъ пѣсню, она отвѣтитъ вамъ:

„Мы колоть, рубить Лезгинцевъ
„Съ Орбеліановымъ идемъ,
„Мы за братьевъ за Грузинцевъ,
„Честною смертію умремъ.
„Дѣти Бѣлаго Царя,
„Грянемъ дружное ура!
„Ура, ура, ура!...“

Эта и многія ей подобныя пѣсни недавно такъ часто вызывали на улицы цѣлыя толпы народа; все шло проводить солдатиковъ, пожелать имъ бравой жизни, честной смерти.

А тамъ гдѣ-нибудь на Руси, или и здѣсь, въ штабъ-квартирѣ, остались матери, сестры, жены и дѣти этихъ-же солдатиковъ. Сколько тамъ тяжкихъ лишеній, сколько тамъ безъ исходнаго горя, сколько тамъ горькихъ слезъ... Но кто слышалъ ихъ ропотъ? Они покорно

страдали, какъ покорно и честно трудились и умирали ихъ братья и отцы.

Наступаетъ лѣто: съ жадностью расхватывается каждый нумеръ газеты, суетливо бѣгаютъ въ военныя канцеляріи: каждый спѣшитъ справиться, кто живъ, кто умеръ, кто раненъ, кто въ-кручу слетѣлъ? Много радостей, много и горя бывало въ этихъ справкахъ. Много было падшихъ, много героевъ, о трусахъ только мы не слыхивали.

Пришла осень и опять затрещали по улицамъ Тифлиса барабаны, опять заслышалась родная пѣсня и мы снова спѣшимъ, но уже встрѣчать тѣхъ, которыхъ проводили весною. Вотъ опять милые сердцу нашему ряды нашихъ солдатиковъ. Также громка ихъ пѣсня, также бодръ и удалъ ихъ видъ. Но тотъ-же-ли запѣвало выводитъ свои горловыя нотки, Тотъ-же-ли плясунъ вытаптываетъ каблуками и подмигиваетъ глазами въ тактъ пѣсни?.. Нѣтъ ихъ,—они паличестною смертью, да и поютъ, словно, другіе. Ушелъ баталіонъ, вернулась рота, которая все также гордо себя величаетъ баталіономъ. Оборвались, закоптились въ пороховомъ дыму, смочили кровью свои рубища-шинелишки наши друзья. Но это все вздоръ! Это пустяки! Они также бодры, также веселы, также снова и снова готовы умирать:

„За Царя, за Русь-святую“.

Настала зима. Въ городѣ скучно. Тутъ идетъ работа. Спѣшатъ составлять планы новыхъ походовъ, спѣшатъ пополнять ряды воиновъ новыми героями, вызывая ихъ изъ Руси, спѣшатъ запасти ихъ, снарядить переноснымъ солдатскимъ добромъ-хозяйствомъ. Намъ нечего дѣлать въ городѣ... поѣдемъ въ одну изъ сосѣднихъ штабъ-квартиръ, хоть на Бѣлый-Ключъ; тамъ часто у друзей своихъ бываетъ сосѣднiй помѣщикъ, князь Мамука, разудалый джигитъ и наѣздникъ. Съ нимъ весело. Поднялись мы на Сололакскую гору, проѣхали по каменистой дорогѣ, продѣланной средствами и трудами Макара Ѳомича. Вотъ показалась его Вашловани *) съ европейскимъ домомъ и совершенно грузинскою, высокой башней, вѣковою свидѣтельницею многихъ славныхъ дѣлъ, многихъ горькихъ минутъ. Если князь дома, онъ зазоветъ васъ непремѣнно къ себѣ, кто-бы вы ни были, угоститъ радушно, какъ это умѣютъ только Русскiй да Грузинъ; если князь васъ не зазвалъ, значитъ, онъ на Бѣломъ-Ключѣ. Поспѣшимъ туда. Вотъ мы переѣхали Алгетку, съ ро-

*) Вашловани перешло къ князю Макару Ѳомичу, по наслѣдству по женской линiи, отъ бабушки его, царевны Анны, сестры Георгiя XII.

бостью пробрались сквозь густой лѣсъ, въ которомъ нетрудно наткнуться на головорѣза-татарина; а вотъ и знакомый крестъ, поставленный на перепутьи. Едва вы успѣете осенить грудь свою крестнымъ знаменіемъ, какъ предъ вами покажется Гомеръ-гора, прекрасная церковь, задуманная родственникомъ Макара Ѳомича, Ильею Дмитривичемъ Джамбакуріанъ-Орбеліани и оконченная его зятемъ, княземъ Іосифомъ Давидовичемъ Тарханъ-Моуравовымъ.

Бѣлый ключь въ снѣгу. Офицеры и солдатики въ походныхъ сапогахъ. Дома подъ темно-сѣрой соломой бѣлы, какъ снѣгъ. Все мирно, все тихо, какъ въ русской деревенской глуши. Проживите нѣсколько зимнихъ дней на Бѣломъ-Ключѣ и вы наберетесь надолго впечатлѣній. Сколько разсказовъ услышите вы здѣсь, какъ и во всякой кавказской штабъ-квартирѣ, о бранныхъ подвигахъ, разсказовъ безъискуственныхъ, простыхъ, наивныхъ, о дѣлахъ, которыя стоятъ поэмъ и пѣсенъ. Некогда и некому было ихъ писать... Угостятъ васъ на славу. Позовутъ васъ на пиръ, на которомъ навѣрное тулумбашъ, дорогой гость, князь Мамука. Этотъ пиръ нѣчто особенное,—нашъ старый, добрый, кавказскій пиръ. Это пиръ наканунѣ смерти; его напоминаетъ пиръ во время чумы, воспѣтый

Пушкинымъ; такъ бѣшено пируютъ только тѣ сильныя души, которыя бурно живутъ, потому что готовы всегда сложить свои буйныя головы. Это пиръ великановъ, для которыхъ ничто переходъ отсюда въ вѣчность. Это пиръ воиновъ Христа, для которыхъ въ часѣ смертномъ нѣтъ загадки о будущей жизни.

Когда могучая зима,
Какъ добрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой....
Что дѣлать намъ и чѣмъ помочь?...

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы —
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

РУССКИМЪ СОЛДАТАМЪ
ПАДШИМЪ ЗА ГРУЗІЮ.

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ—хвала тебѣ, чума!
Намъ нестрашна могилы тьма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы
И дѣвы-розы пьемъ дыханье—
Быть можетъ—полное чумы!

Однако, какъ далеко занесла меня муза нашего родного великаго поэта. Да и вообще я хотѣлъ только сказать нѣсколько словъ памяти скромнаго князя Макара Ѳомича, а между тѣмъ воображеніе меня увлекло и въ воспоминаніе древности, и въ тысячелѣтнюю борьбу народа Грузинскаго, и въ недавнюю войну Кавказскую. Я погрѣшилъ противъ

законовъ литературныхъ, но я заплатилъ должную дань любящаго и благодарнаго сердца... Заговорить объ одномъ изъ членовъ древняго дома князей Джамбакуріанъ-Орбеліани [3]—это значитъ коснуться многихъ изъ нихъ, а отъ этого не далеко до тысячелѣтней славной исторіи Грузіи. Было-ли время, что-бы во главѣ всего доблестнаго и честнаго въ Грузіи не шелъ кто-нибудь изъ этого славнаго дома: вспомнимъ князей Дмитрія Захаровича, дзухъ Луарсабовъ, Александра Давидовича, Сардаря Ивана Давидовича, Григорія Дмитріевича, Ивана Дмитріевича, Вахтанга Вахтанговича, Каплана Захаровича, Илью Дмитріевича, Ивана Ѳомича, Іосифа Константиновича [4] и многихъ, и многихъ другихъ, и согласимся, что легко, заговоривъ о безвѣстномъ Мамукѣ, окунуться въ тысячелѣтнюю исторіи Грузіи.

И такъ, вотъ тотъ славный домъ, къ которому принадлежалъ Макаръ Ѳомичъ, вотъ тотъ доблестный народъ, изъ котораго онъ вышелъ, вотъ та бранная обстановка, въ которой онъ родился, жилъ и дѣйствовалъ. Умеръ онъ тогда, когда такіе люди уже были ненужны. Его забыли, когда кончили войну, а у него было свое бравое, удалое время. Юный современникъ, не дивись увлеченію, съ которымъ я пишу эти строки. Дождись

хорошей, полной исторіи Кавказской войны, прочти и прочувствуй ее, и тогда ты поймешь меня, который зналъ и любилъ тѣхъ, которые дѣлали эту исторію Кавказской войны. Имя Макара Ѳомича не историческое, но только потому, что имя доблестнымъ рыцарямъ грузинскимъ: легіонъ.

Съ 1816 года, полвѣка, Макаръ Ѳомичъ былъ воинъ, джигитъ и наѣздникъ. Въ этотъ годъ онъ вступитъ юнкеромъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, который началъ исторію Кавказской войны и участвовалъ въ ея окончаніи. Гдѣ потомъ служилъ князь Макаръ Ѳомичъ? Вездѣ, гдѣ были нужны отчаянные молодцы, готовые умеретъ, коли прикажутъ, жить — коли позволятъ. Что онъ дѣлалъ?.. То буйно пировалъ съ друзьями, то храбро бился съ врагами. Трудно мнѣ исчислить всѣ сраженія и походы, въ которыхъ онъ участвовалъ,—однакожъ это нужно. Вотъ сухой по внѣшней формѣ, но полный высокой, внутренней поэзіи перечень тѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ покойный. Не скучай читатель, прочти. Знай, что между этими строками много честной крови, много истинной доблести, много дѣйствительнаго самоотверженія.

Генералъ-маіоръ, князь Макаръ Ѳомичъ Джамбакуріанъ-Орбеліани находился въ слѣ-

дующихъ походахъ и дѣлахъ съ непріятелемъ. Въ 1820 г. въ отрядѣ бывшаго начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-маіора Вельяминова, противъ имеретинскихъ мятежниковъ, іюня 13 и 14 при взятіи шаекъ изъ заваловъ у верхнихъ селеній рачинскаго округа: Цедисъ, Ирси и Кведи, съ 30 іюня по 1 іюля при разбитіи около селенія Заханеевъ, въ ущельи Хани, шайки мятежниковъ подъ командою князя Абашидзева, 23-го при вытѣсненіи штурмомъ изъ замка Шамокшеди, принадлежавшаго измѣннику, Кайхосро Гуріелю, и при истребленіи шайки его, 7 августа при разбитіи мятежниковъ при урочищѣ Майданѣ, 8-го при истребленіи шайки Давида Гуріелія въ сел. Аргветы,—24-го при разбитіи шайки Давида Эристова въ Суркбѣ. Въ сраженіи находился 1822 г. мая 30 подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Ермолова, за рѣкою Нальчикомъ; іюня 23 и 24, въ ущельяхъ, Черсенскомъ, 10 іюля—Лаксинскомъ, 19-го —за рѣкою Баксаномъ и на вершинахъ горъ Баничка, 25-го при аулѣ Тоусъ-Султана; 1826 г., во время нахожденія его въ отставкѣ былъ въ дѣйствіи подъ командою генералъ-маіора Давыдова начальникомъ грузинской и татарской милиціи; 21 сентября въ перестрѣлкѣ противу Персіянъ, при урочищѣ Маракъ

и при раззореніи восьми персидксихъ селеній, въ томъ-же году въ Чарской провинціи, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта, (нынѣ генералъ отъ инфантеріи), князя Эристова, при разбитіи и прогнаніи изъ границъ нашихъ лезгинской партій, вторгнувшихся въ Кахетію на разбой; въ сраженіяхъ: октября 5-го при рѣкѣ Алазани и 6 на полѣ Зелдитѣ; 1827 г. былъ посланъ отъ бывшаго командира Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генерала Ермолова, съ татарскою конницею для охраненія Борчалинскій дистанціи и послѣ находился съ дѣйствующими войсками подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2-го въ Персіи съ 6 по 13-е апрѣля при за нятіи монастыря Эчміадзина, 14-го въ перестрѣлкѣ съ Куртинскою конницею и завладѣніи деревнею Айчесалъ, 16-го при разбитіи Куртинцевъ подъ предводительствомъ Гассанъ-хана при р. Араксѣ, между деревнями Анна и Шали, 26 при рекогносцировкѣ за р. Араксомъ, а съ того числа по 28-е въ походѣ къ городу Нахичевану и занятіи онаго; въ 1828 г. подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго, съ 13-го мая въ походѣ изъ укрѣп. Гумровъ за границу, къ крѣп. Карсу, съ 14 по 19 іюня въ перестрѣлкѣ въ семъ походѣ и въ авангардѣ съ партіями

непріятельской кавалеріи, 19 іюня при осадѣ крѣпости, 21 іюня при взятіи штурмомъ оной, отъ Карса къ Ахалкалакамъ чрезъ хребетъ Чандырскихъ горъ, съ 16 по 22 іюня на рекогносцировкѣ сей крѣпости и обложеніи оной 23 іюля взятіи штурмомъ. 24 іюля отъ кр. Ахалкалакъ чрезъ хребетъ горъ отдѣляющій сей санджакъ, съ 1-го по 15 августа въ рекогносцировкѣ крѣп. Ахалциха, при разбитіи непріятельской кавалеріи, 5 августа при пораженіи непріятельскаго 30-тыс. корпуса подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Коса-Магомедъ-паши и Мустафа-паши и завладѣніи четырьмя непріятельскими лагерями защищенными огромными укрѣпленіями, 9 августа при осадѣ крѣпости Ахалцихъ, 19 при взятіи штурмомъ оной, 16 при взятіи цитадели, 17 подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вадтбоельскаго, въ экспедиціи отъ Ахалциха къ крѣп. Ахцуръ и взятіи оной, гдѣ находясь, былъ посланъ генералъ-лейтенантомъ, княземъ Вадтбоельскимъ, парламентеромъ для сдачи крѣпости, послѣ того отправленъ командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ графомъ Паскевичемъ, Эриванскимъ, съ донесеніемъ къ Государю Императору подъ турецкую крѣп. Варну, гдѣ и опредѣленъ Высочайшимъ приказомъ 17

октября 1828 г. въ л.-гв. Финляндскій полкъ. 1834 г. подъ начальствомъ командовавшаго войсками на Кавказской линій и Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова 2-го въ сраженіяхъ и перестрѣлкахъ съ Шапсугами, при слѣдованіи отряда отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ рѣчкѣ Кунипсу, 7 августа на Кунипсѣ и при занятіи аула Персу, 8-го при слѣдованіи къ рѣку Абину, 10-го при поискѣ учиненномъ для отнятія у непріятеля пушекъ, изъ которыхъ они дѣлали выстрѣлы и старались наносить вредъ отряду, при слѣдованіи отряда къ рѣкѣ Анатиру и отраженіи коныхъ шаекъ, учинившихъ сильное нападеніе на обозъ; 12 къ р. Ачанъ-су, 13 ноября къ р. Иль и къ великолагерному посту, 18 къ рѣкѣ Безайды Отлякъ, 16-го къ рѣкѣ Кунипсу и сожженіи аула Персу, 20 къ р. Абину, въ сіе же самое время въ перестрѣлкахъ и схваткахъ съ непріятелемъ, при истребленіи ближайшихъ ауловъ на фуражировки, гдѣ и раненъ шашкою въ правую руку. Въ движеніи отряда, отъ устроеннаго на Абинѣ укрѣпленія къ Геленджику и обратно съ 20 октября по 4 ноября въ бывшихъ при семъ движеніяхъ и перестрѣлкахъ, 10 при переходѣ отъ Абина до аула Штеукъ-Яко и при занятіи заваловъ въ уроч. Небь-юбщь, при переходѣ къ аулу Турнау-Хабль; 12 при разработкѣ дороги чрезъ хребетъ

Марткоткъ, съ 15 по 22 октября при переходѣ чрезъ оную, 22 при преслѣдованіи отряда Геленджику и обратно, 27 къ р. Джобъ, 28 при занятіи аула, Джояви, при обозрѣніи дорогъ; 26 чрезъ хребетъ Нань и 30 идущей отъ Геледжина къ Анапѣ 31 при переходѣ отряда чрезъ хребетъ Наковъ, въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда, 1-го ноября къ бывшему аулу Турнау Халь, 2-го къ Абинскому укрѣпленію, а 3 и 4 къ Ольгинскому укр., во время сей экспедиціи былъ командующимъ 7-мъ коннымъ казачьимъ Черноморскимъ полкомъ. 1835 г., подъ начальствомъ его-же, генералъ-лейтенанта Вельяминова въ экспедиціи за Кубанью, для продолженія устройства укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетдепона до Геленджика, съ 14 іюня по 8 ноября и бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ; августа 17 при слѣдованіи отряда отъ Абина къ Атануафу, 18 при занятіи ауловъ Ноусъ Хабля и Сарди Хабля, 26 при истребленіи аула Ротоко Хабля; сентября 14, 15 и 16 при движеніи генералъ-маіора Штейде, истребленіи ауловъ Обрекъ-Хабля, Херситъ-Хабля, Хумуи-Хабля Пшехирсъ-Хабля, Баста-Хабля, въ дѣлѣ при занятіи Бегани-Хабля и во время обратнаго слѣдованія отъ онаго къ лагерю Натагуафѣ, подъ командою командира Кабардинскаго Егерскаго полка, полковника Поря-

тинскаго; октября 1 при движеніи генералъ-лейтенанта Малиновскаго въ Азинское ущелье для истребленія шапсухскихъ жилищъ, 3 при истребленіи аула Танухъ-Хотонь Асхабля, подъ командою оберъ квартирмейстера полковника Горскаго, 8 въ дѣлѣ противъ ущелья Чемокосалайно и на долинѣ Бичочордъ во время слѣдованія отряда отъ Николаевскаго укрѣпленія къ Абиску, при истребленіи ауловъ Нодледъ, Корсей, Хуштъ, Ноху, Чукъ, Бонасіе, или Чай, Кило, Хугингъ, 24 во время движенія генералъ-лейтенанта Малиновскаго въ ущелье рѣки Кауфа, 26 и 29 при движеніи полковника Порятинскаго вверхъ по Кауфу и Шаупсу для истребленія Шапарскихъ жилищъ и во время экспедиціи былъ командующимъ праваго фланга кавалеріи. 1837 г. октября 18 былъ при встрѣчѣ и сопровожденіи Государя Императора во время путешествія по Закавказскому краю. Сверхъ настоящей обязанности, особыхъ порученій по Высочайшимъ повѣленіямъ, не имѣлъ; а по распоряженію г. Главнокомандующаго на Кавказской линіи и Черноморіи, во время служенія въ Малороссійскомъ казачьемъ полку, завѣдывалъ Екатеринодарскою Кордонною линіею и по распоряженію его-же, бывши командиромъ Хоперскаго полка, завѣдывалъ Баталпашинскимъ

участкомъ. По предписанію начальника гражданскаго управленія, генералъ-лейтенанта Ладинскаго отъ 20 іюня 1845 г. № 35, по случаю открывшихся безпокойствъ въ Ванскомъ и Баязетскомъ пашалыкахъ, съ нашими границами, былъ командированъ съ 6-ю тысяч. кавалеріи собранной изъ разныхъ уѣздовъ жителей Закавказскаго края, на границу Турціи для удержанія границы отъ возмущенія турецко-подданныхъ Аджарцевъ и Куртинцевъ. Въ 1853 г. сентября 5, по приказанію главнокомандующаго участвовалъ при изгнаніи скопищъ Шамиля изъ Джаро-бѣлоканскаго военнаго округа; того-же года ноября 2 въ сраженіи съ Турками при сел. Баяндурѣ и въ прогнаніи Курдовъ, аттаковавшихъ правый флангъ отряда нашего, 4-го при сел. Илли-Кара-Клитъ, въ пораженіи Турецкой конницы, 11 при сел. Курзадемъ и Вачьянъ, имѣвшее результомъ уничтоженіе коварнаго замысла Турокъ на городъ Ахалкалаки, въ ночь на 12 ноября, очищеніе непріятелемъ близь-лежащихъ къ городу селеній, отступленіе ихъ къ пограничному селенію Карзаху, имѣвшее слѣдствіемъ уничтоженіе намѣренія Турокъ, занимавшихъ Хертвисъ и Аспиндзу, броситься по направленію къ Цалкѣ и совершенное изгнаніе ихъ изъ предѣловъ нашихъ, успокоеніе края и водвореніи въ своихъ домахъ всѣхъ жителей.

Въ 1855 году, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго южною арміею и военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму находящимся, съ оставленіемъ по кавалеріи; прибылъ къ мѣсту назначенія 1-го сентября 1855 г. и назначенъ начальникомъ партизанскаго отряда; въ ноябрѣ назначенъ начальникомъ авангарда летучаго отряда противъ Евпаторіи и вслѣдъ затѣмъ начальникомъ летучаго отряда.

Перечень 134-хъ большихъ и малыхъ битвъ извлеченный изъ указа объ отставкѣ князя Макара Ѳомича конченъ. Если ты читатель утомленъ безъискусственнымъ канцелярскимъ слогомъ писаря-солдата, я ободрю усталый духъ твой, я подниму его: я разскажу тебѣ нѣчто высоко поэтическое.

Въ 1834 году жилъ на Кубани бѣглый Кабардинецъ-Казбечь — гроза и ужасъ казаковъ. Съ его именемъ соединялось, что то сказачное, сверхъ-естественное. Стоило появиться Казбечу, и цѣлыя толпы обращались въ бѣгство. Только имя его наводило страхъ. Князь Мамука въ то время служилъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, командуя Хоперскимъ казачьимъ полкомъ, крайне распущеннымъ, состоявшимъ изъ молодыхъ, только что пригнанныхъ Ма-

лороссовъ. Скоро князь сообщилъ имъ ту удаль, ту отвагу, которыхъ избытокъ всегда носилъ въ груди своей и полкъ сталъ храбрѣйшимъ. Недавно пріѣхавшій князь Мамука услышалъ разсказы о Казбечѣ и крѣпко захотѣлось ему съ нимъ повстрѣчаться. Казбечь большой любитель ратоборства, много разъ вызывалъ охотниковъ до одиночнаго поединка. Генералъ Вельяминовъ не позволялъ принимать этотъ вызовъ, не желая терять людей въ безполезныхъ одиночныхъ схваткахъ, да и много-ли-бы нашлось неустрашимыхъ, могущихъ сразиться чуть не съ волшебникомъ, Казбечемъ? Онъ въ кольчугѣ; шашка его не беретъ; отъ него пуля отскакиваетъ. Князь Мамука объявилъ, что при первомъ же удобномъ случаѣ сразится съ Казбечемъ. ,,Этого нельзя князь,“ говоритъ ему, генералъ Вельяминовъ, ,,я не позволю.“ ,,Когда нельзя,—я въ отставку выду, а все таки докажу этому разбойнику и канальѣ, что и у насъ есть храбрые джигиты. Я не хочу, чтобы въ горахъ сказали, что въ нашемъ Русскомъ отрядѣ, всѣ трусы. Этимъ разговоръ кончился. Никто не ожидалъ никакихъ послѣдствій. Однажды князь съ нѣсколькими сотнями казаковъ ѣдетъ по безконечнымъ Кубанскимъ лугамъ. Картина мѣстности, отрядъ казаковъ съ рыцаремъ за

вѣру Христову во главѣ, все это напоминаетъ подобныя же мѣста и подобныхъ же людей, воспѣтыхъ Гоголемъ въ его Тарасѣ Бульбѣ. Вдругъ на горизонтѣ среди высокой и густой травы показываются нѣсколько наѣздниковъ. Впереди ихъ на чудномъ бѣломъ конѣ молодцовато сидитъ исполинъ, увѣшанный оружіемъ. Увидѣвъ казаковъ, передовой всадникъ выѣзжаетъ впередъ, его спутники исчезаютъ. Это мѣстный способъ вызывать на поединокъ. Оставшійся одинъ противъ сотенъ казаковъ, знаками вызываетъ на единоборство. „Казбечь! Казбечь!" раздаются испуганные голоса кругомъ князя Мамуки. Не взвидѣлъ свѣта нашъ герой; въ головѣ зашумѣло, въ глазахъ потемнѣло; съ нимъ приступъ той бѣшенной удали, той дикой отваги, съ которою совершаютъ герои свои громкія дѣла. Шпоры коню, шашка наголо, курокъ взведенъ и помчался князь, не замѣчая, что остолбенѣли его сотни молодыхъ малоопытныхъ казаковъ, запуганныя сказочнымъ исполиномъ. Какъ орелъ родныхъ горъ налетаетъ на добычу, бросается на Казбеча Мамука. Почти въ упоръ раздается выстрѣлъ—пуля не взяла кольчуги; могучею рукою рубитъ онъ—шашка, не беретъ желѣза. „Что дѣлать? убью лошадь, мелькаетъ въ головѣ князя, изварачивающагося отъ уда-

ровъ Казбеча и отражающаго ихъ. „Нѣтъ, больно хороша. Слишкомъ красива. Лучше пусть мнѣ достанется“. Казбечь удачнымъ ударомъ шашки ранитъ князя. Окровавленною, раненною рукою выхватываетъ онъ карабинъ, стрѣляетъ въ упоръ въ грудь, и пронизываетъ пуля грузинскаго джигита могучую грудь славнаго горскаго богатыря. Издали слѣдившіе за ходомъ битвы спутники Казбеча бросаются на помощь къ поверженному. Вотъ, вотъ налетятъ они, отомстятъ за кровь своего героя, на куски разнесутъ доблестное тѣло побѣдителя. А онъ, не устрашимый, не отступаетъ. Крѣпко приглянулась лошадь, надо достать ее. Еще минута, и погибъ бы князь. Но за нимъ съ замираніемъ любящаго, преданнаго сердца слѣдитъ другой герой, другъ и слуга его Ниника. Съ быстротою молніи налетаетъ онъ. Два, три удара ногайки по крестцу лошади князя, уздечка вырвана изъ рукъ его и двое быстрыхъ коней уносятъ къ отряду казаковъ, вражескими пулями преслѣдуемыхъ христіанскихъ воиновъ и тѣмъ спасаютъ ихъ отъ мести разсвирѣпѣвшихъ бусурмановъ. Чрезъ нѣсколько времени раненный Казбечь присылаетъ узнать объ имени своего побѣдителя, а еще позже, приходятъ посланные сказать, что Казбечь умеръ отъ раны, что онъ уми-

рая завѣщалъ своимъ близкимъ кровную месть всему дому Орбеліановыхъ, а ему, своему побѣдителю, посылаетъ въ подарокъ тотъ пистолетъ, которымъ ему не удалось сразить героя. До сихъ поръ между горцами, оставшимися на Кубани, живо воспоминаніе о двухъ герояхъ-ратоборцахъ Казбечѣ и Мамукѣ. Много варіантовъ есть этого преданія. Я старался сообщить самое достовѣрное *).

Въ одной изъ битвъ съ Турками подъ Ахалцихомъ, нѣсколько тысячъ турецкой конницы промчалось мимо баталіона Грузинскаго полка и почти отрѣзало его отъ остальной части отряда. Кавалерія неожиданно была встрѣчена страшными залпами картечи и обращена въ бѣгство, къ которому способны только Турки, такъ легко поддающіеся паническому страху. Нестройныя массы наѣздниковъ несутся мимо батальона, выстроеннаго въ боевой порядокъ. Солдаты провожаютъ ихъ батальнымъ огнемъ. Промчалась обезумѣвшая конница; вдругъ сзади ея въ облакахъ пыли и дыму, подъ нашими выстрѣлами летитъ князь Макаръ Ѳомичь, сопровождаемый своимъ другомъ и сподвижникомъ

*) Записано со словъ князя Александра Георгіевича Туманова.

Ниника. Какъ ангелы смерти мчатся они съ обнаженными шашками, какъ-бы только вдвоемъ прогоняя огромное полчище. Имъ кричатъ: „Куда вы? Зачѣмъ? Погибнете!" Они не слышатъ ничего, врываются въ толпу и рубятъ направо и налѣво. Наконецъ, натѣшившись вдоволь, подскакиваютъ къ батальону. „Счастливъ твой Богъ," говоритъ одинъ изъ друзей князя. „Хорошо, что турки съ ума сошли отъ страха".... Что ты можешь вдвоемъ съ Нинико? „Какъ? развѣ не видалъ?—бѣгущаго непріятеля преслѣдовать приказано." Вотъ какъ исполнялъ приказанія Мамука *).

Лѣтъ тридцать тому назадъ князь Макаръ Ѳомичъ служилъ на Кубани полковымъ командиромъ казачьяго полка. Подъ его начальствомъ состоялъ нынѣ генералъ-фельдмаршалъ, князь Барятинскій, тогда корнетъ. Князь Мамука, невѣрившій въ докторовъ и не любившій лечиться, былъ увѣренъ, что самъ онъ отличный военный докторъ, въ особенности для раненныхъ. Была сильная перестрѣлка. На глазахъ князя Барятинскаго и Макара Ѳомича падаетъ казакъ съ прострѣленною на вылетъ грудью. Князь Мамука

*) Записано со словъ князя Григорія Дмитріевича Орбеліани.

забываетъ бой, бросается къ нему съ корпіей и своими снадобьями; чуть-не на плечахъ выноситъ его въ безопасное мѣсто, принимаетъ первыя необходимыя мѣры и успокоиваетъ казака словами: „Ничего, ничего, пустяки, скоро выздоровѣешь, опять вмѣстѣ драться будемъ". Князь Мамука пошелъ въ огонь, а на глазахъ у князя Барятинскаго казакъ умеръ. Черезъ нѣсколько минутъ оба князя опять встрѣтились. „Ну что князь Мамука?" спрашиваетъ князь Барятинскій, желая узнать о ходѣ боя. „Ничего, ничего, отвѣчаетъ Макаръ Ѳомичъ. Казакъ будетъ живъ, пустая рана. — „Онъ умеръ". „Какъ! не можетъ быть! это удивительно!" восклицаетъ озадаченный докторъ *).

Послѣ взятія Гуниба князь Александръ Ивановичъ Барятинскій возвращался въ Тифлисъ чрезъ Кахетію. Грузины, услышавъ объ окончаніи своихъ тысячелѣтнихъ бѣдствій приготовили радушную встрѣчу. Рѣшено было поднести его сіятельству древнее ружье царя Ираклія II-го, доставшееся ему отъ Омаръ-хана Аварскаго. Въ Царскихъ-Колодцахъ встрѣтилъ со многими другими князя Барятинскаго и Макаръ Ѳомичъ. Онъ

*) Записано со словъ князя Александра Георгіевича Туманова.

бросился обнимать героя побѣдителя, только что вылезавшаго изъ экипажа.

„Постойте Мамука, дайте пыль отряхнуть“.

— Ничего.

„А что? каковъ вашъ ученикъ—Шамиля поймалъ.

— За это-то братецъ я тебя и благодарю *).

Въ 1835 году былъ опасно раненъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ постелѣ въ домѣ у князя Мамуки. Онъ, какъ сестра милосердія ухаживалъ за больнымъ героемъ и перевязывалъ рану его **).

Въ 1838 году былъ раненъ князь Мамука тремя пулями. Несутъ его на носилкахъ. „Что съ тобой!“ спрашиваетъ встрѣтившійся другъ. „Э! ничего,“ отвѣчаетъ Мамука, тыча пальцами, то въ грудь, то въ спину, сюда попала, сюда вылетѣла, сюда попала, сюда вылетѣла, сюда попала, сюда вылетѣла ***).

*) Записано со словъ князя Яссе Чавчавадзе.

**) Записано со словъ генералъ-лейтенанта Грамотина.

***) Записано со словъ князя Реваза Ивановича Андроникова.

Вотъ слова двухъ Намѣстниковъ Кавказскихъ о князѣ Макарѣ Ѳомичѣ. Въ письмѣ къ М. П. Щербинину изъ Коджоръ отъ 30 августа 1853 года свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ говоритъ: „Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю извѣстій съ Лезгинской линіи. Я перечитывалъ всѣ послѣднія письма князя Аргутинскаго; всѣ эти письма и особенно послѣднее, 19 августа, доказываютъ, что никакое извѣстіе не застанетъ его въ расплохъ и что онъ рѣшился, катъ только узнаетъ, что Шамиль аттакуетъ линію, идти съ самостоятельнымъ отрядомъ на помощь князю Орбеліани и въ тылъ непріятелю. Въ 1848 ему гораздо труднѣе было подать вспоможеніе въ Ахты, и я надѣюсь, что съ Божіею помощью уже въ это время, какъ я пишу къ вамъ, онъ въ хорошемъ положеніи, что-бы поправить дѣла, и даже въ состояніи, какъ говоритъ онъ, наказать великаго возмутителя. Впрочемъ будетъ, что Богу угодно. Если что-нибудь задержитъ Аргутинскаго и если теперешнее положеніе продолжится еще нѣсколько дней, я много также разсчитываю на вторженіе Мамуки въ Кахетію съ 2-мя, или 3-мя тысячами всадниковъ его уѣзда. Мамука способенъ пробраться до Закаталъ, если будетъ надобно, и его появленіе въ странѣ подниметъ нравственную

силу всѣхъ обитателей и принесетъ огромную пользу.

Разговаривая о храбрецахъ Кавказа, князь А. И. Барятинскій сказалъ: „я знаю только одного человѣка, который храбрѣе Мамуки —это его Нинико".

Отдавши должное князю Макару Ѳомичу, какъ рыцарю и герою, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ. Помню я себя ребенкомъ лѣтъ 9-ти, когда былъ друженъ князь съ моимъ отцомъ. Отецъ юнкеромъ-ребенкомъ началъ свою службу на Кавказѣ, 40 лѣтъ прослужилъ ему, и я, сынъ его, какъ и большая часть здѣсь Русскихъ, не знаю, гдѣ его могила. Давно много разъ перерыто все кладбище. Тамъ за Навтлугомъ большое поле пріютило многихъ кавказскихъ воиновъ, проведшихъ послѣдніе скорбные дни въ навтлугскомъ госпиталѣ. Нѣтъ тамъ богатыхъ памятниковъ: нѣкому было ихъ ставить. Тамъ схороненные, въ большей части случаевъ, оставили только безысходное горе и бѣдную жизнь своимъ вдовамъ и сиротамъ. Да! нѣкому было ставить памятниковъ, да и ненужно: имъ величественный монументъ—довольство, безопасность и благосостояніе края.

Отецъ мой любилъ русскую пѣсню, пописывалъ стихи и самъ. Русскій человѣкъ тѣломъ и душею, большой патріотъ, онъ выучилъ меня со словъ. „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ — Жуковскаго. Друзья и знакомые моего отца часто могли видѣть слѣдующую картину. Два кавказскіе воина, князь Макаръ Ѳомичъ и мой отецъ, послѣ обѣда сидятъ за стаканомъ вина съ длинными чубуками въ рукахъ, а иногда съ кальяномъ.

Предъ ними мальчуганъ съ жестами, съ азортомъ декламируетъ:

„Отчизнѣ кубокъ сей друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?“

Князь Макаръ Ѳомичъ вскакиваетъ, поднимаетъ стаканъ вина и размахивая длиннымъ чубукомъ, подхватываетъ:

О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

„Кочагъ, Владимiръ, Барякала!“

Это повторялось часто, но всегда было одинаково тепло и ново.

Помню, разъ отецъ заѣхалъ со мною въ Вашловани. Князь Макаръ Ѳомичъ, не нуждавшiйся ни въ какой библiотекѣ, потому что нѣкогда было съ нею возиться, имѣлъ нѣсколько любимыхъ книжекъ. Былъ у него одинъ только томъ Пушкина,—онъ подарилъ его мнѣ съ непремѣннымъ условiемъ выучить „Братьевъ разбойниковъ“. По сердцу ему пришлась эта задорная удѣль, эта беззавѣтная энергiя. Скоро я зналъ наизустъ это стихотворенiе. Отецъ особенно объ этомъ хлопоталъ. Помню ночь, когда меня ребенка отецъ проморилъ до пѣтуховъ, уча декламировать: онъ къ утру ждалъ князя Макара Ѳомича. Прiѣхалъ князь, я встрѣтилъ его извѣстiемъ, что знаю братьевъ разбойниковъ. „Расъ амбобъ? *) знаишъ! молодецъ“: Побесѣдовали старые друзья, а потомъ позвали меня въ садъ подъ тѣнь 5 дубовъ, росшихъ на землѣ, доставшейся моей матери отъ княгини Мананы Орбелiани чрезъ посредство Макара Ѳомича. Отецъ поставилъ меня въ приличную обстоятельствамъ позу. „Аба цайкитхе“: **)

*) Что ты говоришь!

**) Нука, читай!

провозглашаетъ Макаръ Ѳомичъ. Я своимъ дѣтскимъ голосенкомъ начинаю:

,,Не стая вороновъ слеталась
,,На груды тлѣющихъ костей,
,,За Волгой ночью вкругъ огней
,,Удалыхъ шайка собиралась.

Доходитъ до описанія разбойничьей жизни братьевъ:

,,Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
,,И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

Перерываетъ меня князь.

Прошло много лѣтъ, мнѣ было 22 года, я былъ учителемъ. Разъ встрѣчаюсь съ княземъ Макаромъ Ѳомичемъ около Вашловани, въ духанѣ, этомъ когда-то единственномъ пріютѣ Закавказскихъ путешественниковъ. Князь, какъ и всегда, радушно встрѣтилъ меня, радушно угостилъ, добромъ вспомнилъ старое и заключилъ:" Аба, Владиміръ-джанъ *) скажи—,,братья разбойники."

Прошло еще 15 лѣтъ, я былъ директоромъ гимназіи, въ которой учился. Приходитъ ко мнѣ князь Макаръ Ѳомичъ въ качествѣ просителя ходатайствовать за одного исключеннаго ученика; не знаю, почему ему

*) Душа.

близкаго. Не смотря на всю мою любовъ къ князю, я не могъ склониться на его просьбу. „Князь, сказалъ я ему, когда вы говорите— я долженъ слушаться, но этого не могу; хотите я возьму вашего мальчика къ себѣ въ домъ, а въ гимназію не имѣю права. Тамъ я не сынъ вашего друга, а директоръ.“ — „Хорошо сказалъ Владиміръ, джанъ“ прервалъ меня, князь, „ну что дѣлать, этого не можешь,—скажи братья разбойники.“ Сколько теплоты душевной въ этой чертѣ характера князя Макара Ѳомича, въ теченіи 30 лѣтъ, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, съ одинаковымъ жаромъ слушавшаго ребенка, юношу и потомъ зрѣлаго человѣка, читавшаго одно и тоже давно наизустъ ему извѣстное поэтическое произведеніе.

Когда пришло извѣстіе о смерти Пушкина, князь Макаръ Ѳомичъ написалъ въ Петербургъ знокомому: скажи убійцѣ Пушкина, что меня въ Петербургъ не пускаетъ начальство, пусть сюда пріѣдетъ,—я его убью, какъ собаку.

Вотъ еще памятный для меня случай. Пріѣзжаемъ мы съ отцомъ въ 1841 году въ Коды. На балконѣ станціоннаго дома сидитъ князь Макаръ Ѳомичъ въ бѣломъ, лѣтнемъ

платьѣ. Подали шишлыкъ, мы руками начали отправлять его въ наши голодныя желудки. Вдругъ крикъ. Невдалекѣ отъ станціи колодезь. Кричатъ—дѣвочка упала въ воду. Мы всѣ трое бѣжимъ туда. Князь суетится. хлопочетъ: ,,веревку давай, возжи неси". . всѣ мечутся изъ угла въ уголъ, а веревки нѣтъ. ,,Черти! понимаете, тамъ вода, утонетъ", кричитъ князь. Все нѣтъ веревки. Вдругъ онъ бросается къ колодцу обматываетъ себя поперекъ пояса тонкою веревкою, къ которой привязано ведро, не успѣвъ его снять и кричитъ: ,,Иванъ Кузмичъ, опускай"—,,Гижи харъ" *), останавливаетъ его отецъ, ,,шестъ тонкій, сломается" веревка лопнетъ—,,Держи," скорѣй говоритъ князь, ,,утонетъ" и бросается въ колодезь. Помню, съ какимъ замираніемъ дѣтской, робкой души моей я слѣдилъ, какъ гнулся и трещалъ длинный шестъ. Подоспѣли люди и помогли вытащить князя, съ едва-живымъ ребенкомъ на рукахъ; взмутилось тина на днѣ колодца: князь былъ черенъ, лицо въ грязи; вытирается онъ грязною рукою и еще больше пачкается. ,,Ну, барышни, говоритъ" онъ съ своимъ добродушнымъ хохотомъ, ,,приходите, полюбите меня теперь, каковъ есть." Этимъ характеристичнымъ анекдотомъ я заключаю.

*) Сумашедшій.

Я буду доволенъ, если мои искренніе слова дорогой памяти друга моего отца принесутъ, хотя малое утѣшеніе роднымъ и близкимъ его; я буду счастливъ, если добрые, всегда радушные и отзывчивые Грузины прочтутъ между строками моими, что я всегда былъ ихъ другомъ, какъ мой отецъ, какъ и всякій истинный Русскій, долго служившій, или родившійся въ ихъ прекрасной сторонѣ.

7-го ноября, 1871 года.
Тифлисъ.

Примѣчанія.

[1] При князѣ Циціановѣ въ 1806-мъ году во время войны съ Персами полковникъ Карягинъ, назначенный на мѣсто убитаго Шефа Эриванскаго Карабинернаго полка Лазарева получилъ предписаніе выступить 21 іюня изъ Елисаветополя по направленію къ Шушѣ съ 4-мя ротами 17-го Егерскаго полка, ротою Тифлисцевъ при 2-хъ орудіяхъ всего въ числѣ 400 человѣкъ. Сначала полковникъ Карягинъ встрѣтился съ 10,000 отрядомъ Пиръ-Кули-Хана, и потомъ и совсѣю арміею Аббасъ-Мирзы. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ въ отрядѣ Карягина осталось не болѣе 100 человѣкъ; самъ онъ и знаменитый Котляревскій были ранены. Помощи ждать было не откуда Карягинъ доноситъ Циціанову: «Если ваше сіятельство не поспѣете на помощь, то отрядъ погибнетъ не отъ сдачи, въ коей не приступлю, но отъ крайности въ провіантѣ *)».

Вѣстей однако-же о войскахъ Циціанова и Лисаневича не было никакихъ, а потому Карягинъ, послѣ 13-ти дневной осады, рѣшился еще разъ испытать счастіе и перейти на 25 верстъ отъ Шахъ-булаха въ крѣпость Мухратъ, которая по гористому мѣстополо-

*) Разсказъ этотъ помѣщенъ въ соч. *Зубова* ,,Подвиги русскихъ воиновъ въ стран. Кавказа,'' ч. III. стр. 122.

женію была удобнѣе для защиты. Критическое положеніе вызвало эту отчаянную попытку, и она, при полной безпечности непріятеля, удалась именно такимъ образомъ:

Аббасъ-мирза предложилъ Карягину вступить въ его службу, обѣщая ему значительныя награды, и въ знакъ своего расположенія прислалъ Карягину разной провизіи и дичи, застрѣленной его руками, и вмѣстѣ съ тѣмъ ложно сообщилъ, что Елисаветполь взятъ персіянами и что Карягину остается сдаться осажденнымъ. Карягинъ отвѣчалъ, что желаніе Аббасъ-мирзы будетъ завтра исполнено. Усыпивъ этимъ отвѣтомъ шахскаго сына, Карягинъ 8-го іюля, оставивъ въ крѣпости часовыхъ, и приказавъ имъ дѣлать обычные оклики, съ остальными скрытно вышелъ изъ нея, и пройдя 20 верстъ незамѣченный, остановился для отдыха въ саду, возлѣ сел. Касанетъ. Сюда успѣли къ нему присоединиться даже и часовые, ушедшіе изъ Шахъ-булаха тоже непримѣченными. Отсюда Котляревскій тотчасъ былъ командированъ съ командою занять крѣпость Мухратъ. Карягинъ-же, задержанный переноскою раненыхъ и ожиданіемъ часовыхъ, былъ настигнутъ персіянами въ 3-хъ верстахъ отъ крѣпости, но такъ какъ дорога вилась утесами, то достаточно было однихъ охотниковъ, чтобъ удержать непріятеля *).

Сама мѣстность, по которой пробирался нашъ отрядъ къ Мухрату, представляла чрезвычайно много препятствій, и если бы егеря полковника Карягина не были истинными героями въ полномъ смыслѣ этого слова, и если-бы въ главѣ ихъ не стоялъ съ такой непоколебимой волей человѣкъ, какъ Карягинъ, то,

*) При этомъ 1 убитъ и 11 ранено егерей. Котляревскій за взятія Мухрата получилъ Владимір. 4-й ст. Біогр. Кот.

конечно и однѣхъ мѣстныхъ препятствій было-бы достаточно, чтобы отдаться въ руки непріятеля.

Вотъ одинъ эпизодъ изъ этого движенія: отрядъ Карягина, искусно лавируя отъ непріятеля по дорогѣ къ Мухрату, не могъ провести орудій чрезъ рытвину.

Мостъ строить не было ни метеріаловъ, ни времени. Но тутъ русская смѣтливость и отвага явились во всемъ блескѣ. Баталіонный запѣвало, Гаврила Сидоровъ, оказалъ удивительный подвигъ самоотверженія и находчивости, за который, къ общему прискорбію отряда, заплатилъ своею жизнію. Онъ, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: «Ребята, чего стоять и задумываться. Стоя города не возмешь. Вотъ что надо сдѣлать. Вы сами знаете, что у русскаго солдата пушка барыня—ну, такъ надо барынѣ помочь, на ружьяхъ перевеземъ пушки. Да какъ-же ты изъ ружей сдѣлаешь мостъ, откуда возьмешь сваи, возразилъ ему солдатъ изъ малоросіянъ. А это развѣ не сваи — отвѣчалъ шутъ, показывая на свои плечи, а также на плечи одного рослаго солдата. Слушайте команды: кто молодецъ — пригайте ко мнѣ сюда, въ канаву. Къ нему бросилось человѣкъ десять. — Ну ребята, продожалъ шутъ, подавай сюда ружья, оставшіяся отъ убитыхъ и раненыхъ, мы ихъ воткнемъ штыками въ землю, вотъ и будутъ у насъ знатныя сваи для моста, на нихъ положимъ мы свои ружья, вмѣсто настилки моста, и поддержимъ ихъ на своихъ плечахъ». Все это въ нѣсколько мгновеній было исполнено, такъ что никто изъ офицеровъ не успѣлъ сдѣлать никакого возраженія противъ столь неслыханной и уже слишкомъ отважной переправы. Конечно, пушки были легкія, полевыя, и перевозились людьми; однакожъ; за всѣмъ тѣмъ, провезти по плечамъ солдатскимъ но могло-бы никому прійти въ голову. Мелькнувшая шуту мысль,

была внезапна и неожиданна—никто и не подумалъ о послѣдствіяхъ. Первая пушка разомъ пролѣтела по молодецкимъ плечамъ. «Ай-да хватъ, ой-да удалецъ»—сказалъ командиръ роты, въ которой служилъ шутъ. Этотъ успѣхъ воодушевилъ: всѣ запѣли и дружно бросились перетаскивать другую на рукахъ пушку, но отъ излишней поспѣшности одно колесо соскочило съ ружей и прямо ударило Сидорову въ високъ и двумъ солдатамъ по спинѣ. Пушку спасли, но за то Гаврила Сидоровъ упалъ замертво, и только успѣлъ сказать: «Прощайте, братцы, не поминайте лихомъ и молитесь за меня грѣшнаго». Многіе, даже офицеры, бросились въ канаву помогать ему, но уже было поздно — онъ былъ мертвый.

Потеря такого славнаго солдата, сдѣлавшагося жертвою собственной смѣтливости и отважности, была для всяего отряда тягостною потерей. Однако-жъ, долго задумываться было некогда—надобно было сколь возможно поспѣшнѣе небольшому отряду скрыться отъ преслѣдованія сильнаго непріятеля. Артиллерійскихъ лошадей *) кое-какъ принудили перепрыгнуть чрезъ рытвину, при чемъ одна изъ лошадей, отъ неудачнаго прыжка, упала въ рытвину и переломила ногу. Между тѣмъ Карягинъ приказалъ вырыть могилу, въ которую офицеры опустили тѣло Сидорова. Но прежде Карягинъ перекрестилъ его и громко сказалъ: «Прощай, истинно православный, русскій человѣкъ, вѣрный царскій слуга. Да будетъ тебѣ вѣчная память». Офицеры поклонились его могилѣ и многіе изъ солдатъ съ глазами полными слезъ сказали ему: «Прощай, братъ, Гаврила Сидоровъ, моли Бога за насъ!»

Случай этотъ вполнѣ характеризуетъ солдатъ,

*) Лошади взяты у персіянъ въ Шахъ-булатѣ.

находившихся подъ командою Карягина, и дѣлаетъ понятнымъ тайну успѣховъ, по чему онъ съ незначительными средствами могъ вести продолжительную и отчаянную борьбу съ непріятелемъ, превосходившимъ его въ нѣсколько разъ силами *).

² Съ 1837 года по восточному берегу Чернаго моря устроенъ рядъ фортовъ и укрѣпленій и установленно постоянное крейсерство въ видахъ прекращенія сношеній Черкесовъ съ Турціею и предъупрежденія снабженія ихъ порохомъ и оружіемъ какъ Турками такъ и Англичанами. Всѣ эти укрѣпленія были крайне слабыя и хотя общая ихъ система до нѣкоторой степени служила указанной цѣли, но каждое укрѣпленіе само по себѣ было слишкомъ безъ защитно на случай нападенія горцевъ. Русскими занято было въ каждомъ укрѣпленіи только то мѣсто, на которой распологалось само укрѣпленіе. Кругомъ съ суши все было враждебно. Сообщенія было только морское, но въ укрѣпленіяхь не было морскихъ судовъ, а потому вовремя частыхъ нападеній не только некуда было спасаться, но даже не было возможности дать знать объ опасности. Тяжела была служба гарнизоновъ этихъ укрѣпленій вѣчная опасность, нездоровый климатъ, постоянный не достатокъ пищи, такъ какъ только съ моря параходы подвозили съѣстные припасы, скучная однообразная жизнь безъ женщинъ, безъ дѣтей, только время отъ времени оживляемая перестрѣлками и нападеніяни Черкесовъ; экспедиціи за дровами сѣномъ и даже часто за водой, экспедиціи съ опасностью жизни съ непремѣнными раненными и убитыми; вотъ на что осуждались люди на многіе, долгіе годы. — Все таки оживлялись мы, разсказываютъ старики, какъ бывало

*) Изъ исторіи Эриванскаго полка, составленный Шабановымъ.

хоть въ мѣсяцъ разъ пароходъ подойдетъ съ письмами и газетами, съ провьянтомъ и свежими людьми, оживлялись и тогда какъ Черкесы нападутъ или сами хоть маленькую экспедицію сдѣлаемъ. Не выносимо тяжела и могильна была однообразная обыденная тягучка, жизнь этихъ укрѣпленій. Много сходило съума, застреливалось и вѣшалось людей истомленныхъ, лихорадками, вѣчными опасностями, скукой и однообразіемъ жизни этихъ не на морѣ, не на землѣ торчавшихъ, несчастныхъ, безъ защитныхъ укрѣпленій. Въ 1840 году было большое движеніе по всему Кавказу. Поднялся и Шамиль съ огромными скопищами, и Черкесы Западнаго Кавказа. Нѣсколько укрѣпленій было уничтожено весною этого года. Еще за долго до этого времени военноначальники Западнаго Кавказа указывали на полнѣйшую несостоятельность и ничтожность Черноморскихъ укрѣпленій, но не было возможности усилить ихъ. Гарнизоны въ триста, четыреста человѣкъ на половину лежащіе въ госпиталяхъ въ лихорадкахъ или цынгѣ были дѣйствительно слишкомъ слабой военной силой. Нужны-ли и полезны-ли были эти укрѣпленія пусть скажетъ военная исторія. Насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ тотъ геройскій самоотверженный духъ, которымъ исполненъ былъ русскій солдатъ, даже въ самыхъ не благопріятныхъ обстоятельствахъ. Велика была вѣра въ силу воинскаго духа русскаго солдата, у всѣхъ знавшихъ его. Адмиралъ Серебряковъ, предвидя въ 1840 году нападенія состороны Черкесовъ на наши Черноморскія укрѣпленія, и объѣзжая ихъ, приказывалъ бороться до послѣдней возможности и взорвать пороховые погреба, когда силъ не станетъ. 7-го февраля взятъ фортъ Лазаревъ имѣвшій 200 человѣкъ гарнизону, изъ коихъ здоровыхъ было 60 человѣкъ. Погибли всѣ и только 30 человѣкъ живыхъ, но

больныхъ и раненныхъ попали въ плѣнъ 22 февраля взято Вельяминовское укрѣпленіе. Четыреста человѣкъ нѣсколько сутокъ бились противъ 8000 и когда оставалось живыхъ менѣе 70, капитанъ Папахристо спѣшилъ съ зажженымъ фителемъ къ пороховому погребу, но былъ изрубленъ не успѣвъ взорвать его. Опять только нѣсколько десятковъ попало въ плѣнъ, 22 марта взято Михайловское укрѣпленіе. Въ плѣнъ попало не болѣе 10 человѣкъ, потому что рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ успѣлъ взорвать укрѣпленіе, какъ только ворвались въ него Черкесы. Взрывомъ этимъ до того ослаблены Горцы, что они не могли продолжать своей экспедиціи и разбрелись по домамъ развозя убитыхъ и раненныхъ.

[3] Въ 4-мъ или 5-мъ столѣтіи до Рождества Христова изъ Китая вышелъ съ многочисленнымъ семействомъ Бакуръ и переселился въ Грузію. Въ это время этою страною управляли старшины, царство же основано только въ 3-мъ столѣтіи Ѳарнаозомъ. Старшины отвѣли Бакуру и семьѣ его значительное пространство земли къ Югу отъ Тифлиса съ мѣстечкомъ Орбета. Такимъ образомъ произошелъ древній родъ Джамбакуріанъ Орбеліани (Чинъ-Китай). При царѣ Георгіѣ VII, собственно бывшемъ регентомъ по малолѣтству законнаго наслѣдника Давида, было почти совершенно уничтожено все семейство Орбельяновыхъ, требовавшихъ возведенія на престолъ законнаго наслѣдника. Катастрофа эта произошла въ укрѣпленномъ городѣ Самшвильды въ 9 вѣрстахъ отъ Бѣлаго-Ключа, штабъ-квартиры Грузинскаго Гренадерскаго полка. Многочисленные развалины великолѣпныхъ храмовъ и остатки другихъ построекъ свидѣтельствуютъ о томъ что Самшвильды было мѣстомъ богатаго и многочисленнаго населенія.

[4] Князь Дмитрій Захаровичъ генералъ-лейтенантъ, взявшій Поти въ 1807 году и усмирившій Кахетинскій бунтъ въ 1806 г. и Имеретинскій въ 1812. Полковникъ Луарсабъ Орбеліани по прозвищу Потемкинъ (Таврическій) былъ маленькимъ ребенкомъ взятъ въ плѣнъ Туркамъ. Его выручилъ знаменитый князь Потемкинъ Таврическій, воспиталъ и опредѣлилъ на службу. Послѣ водворенія Русскаго Правительства въ Грузіи князь Луарсабъ перешелъ на службу въ свою родину. Сардарь Иванъ Давидовичъ, извѣстный полководецъ Грузинскаго войска, былъ Предводителемъ Дворянства. Онъ между прочимъ первый обрилъ бороду, желая тѣмъ указать на свое отчужденіе отъ Персидскихъ нравовъ и сближеніе съ русскими. Князь Григорій Дмитріевичъ Орбельяни, Членъ Государственнаго Совѣта, прослужилъ 52 года. Нѣсколько разъ исправлялъ должность Намѣстника Кавказскаго. Іюля 7-го 1871 года праздновался его пятидесятилѣтній юбилей.

